

вич, Горослав Михайлович, два Кашкича и многие иные, которые расскажут обо мне и о моем сказании. Но возвратимся к вышеупомянутому. И когда свет засиял в Гробе Господнем, тогда остановилось пение и все возопило: «Кир элейсон», потом вышли из церкви с великой радостью и с горящими свечами, защищая каждый свою свечку от ветра, и пошли по домам своим, и от того света святого зажгли свечи в церквях своих, и в церквях своих кончили пение; в великой же церкви у Гроба Господня сами поны без народа окончили вечернее пение. Тогда и мы с игуменом и с братией пошли в свой монастырь, неся свои горящие свечи, и там кончили вечернее пение и разошлись по кельям своим, восхваляя Бога, сподобившего нас видеть ту благодать. Утром же в день Воскресения Христова, в неделю святой Пасхи, отпел заутреню, как подобает, и совершив целование с игуменом и с братией, мы получили отпущение; в первом часу дня (то есть в седьмом часу утра) взял игумен крест с братией, и мы пошли к Гробу Господню, воспевая кондак: «Аще и в Гроб спиде бесмертне», и вошли мы в Гроб животворящий и облобызали его с любовью и теплыми слезами, наслаждаясь благоуханием от пришествия Святого Духа, и дивясь тем кадилам, чудесно еще горящим; эти три кадила зажглись сами тогда, когда сошел свет святой, как нам то сказали эконоом и ключарь Гроба Господня; кроме того, над Гробом Господним висело пять кадил, которые также горели, но свет их был тот, как у тех трех кадил, чудно и прекрасно светивших. И потом мы вышли из Гроба Господня восточными дверями и вошли в алтарь и сотворили целование с правочерными попами христианскими и сирийскими, оставили церковь и отправились в свой монастырь, где и опочили до литургии.

После трех дней и после литургии я пошел к ключарю Гроба Господня и сказал ему: «Хотел бы я взять свое кадило». Он же принял меня с любовью, ввел меня одного с собой в Гроб и, войдя в Гроб, я нашел свое кадило над Гробом Господним, еще горящим тем светом святым. И поклонился я Гробу тому святому и облобызал то место честное, где лежало пречистое тело

Господа нашего Иисуса Христа. Тогда же я смерил Гроб святой в длину, и в ширину, и в высоту: при других же никому не дозволяется мерять; и почтил я Гроб Господень как мой, по своим средствам, и потом ключарю подал безделицу и свое ничтожное благословение. Он же, видя любовь мою к Гробу Господню, отодвинул доску в головах святого Гроба и отломил небольшой кусок того святого камня для благословения и запретил мне с клятвой не говорить того никому в Иерусалиме. Я же поклонился Гробу Господню и ключарю, и взял кадило свое с маслом еще горящим, и вышел с великой радостью, разбогатев благодатью Божьей и неся в руке свой дар святого места и знамение святого Гроба Господня, и шел я, радуясь, как бы было обретено мной некое богатое сокровище, и шел я в келью свою с радостью великой.

После такого, почти единственного, отступления, в котором выходит на сцену лицо самого писателя, автор снова возвращается к описанию Палестины, говорит о Рамле и Эмаусе, отмечает число верст между приморскими городами Палестины и Фикики и в заключение своего сказания опять говорит о себе:

Ходил же я к святым местам в русское правление великого князя Святополка Изяславича (1093–1113 гг.), внука Ярослава Владимировича Киевского. Тому Бог свидетель и святой Гроб Господень. Во всех этих святых местах я не забывал имен князей русских, ни княгинь их, ни детей их, ни епископов, ни игуменов, ни бояр, ни своих духовных детей, ни всех христиан, никого никогда не забывал, но везде поминал в своих молитвах. За что и восхваляю преблагого Бога моего, который сподобил меня написать имена русских князей в лавре у св. Саввы, где они и ныне поминаются на октециях. А имена их: Михаил Святополк, Василий Владимир, Давид Святославич; Михаил Олег, Панкратий Ярослав Святославич; Андрей Мстислав Всеволодович, Феодор Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб Минский, Давид Всеславич; их помянул поименно и записал; кроме того, помянул всех русских князей, и бояр, и всех христиан Русской земли, и от-